

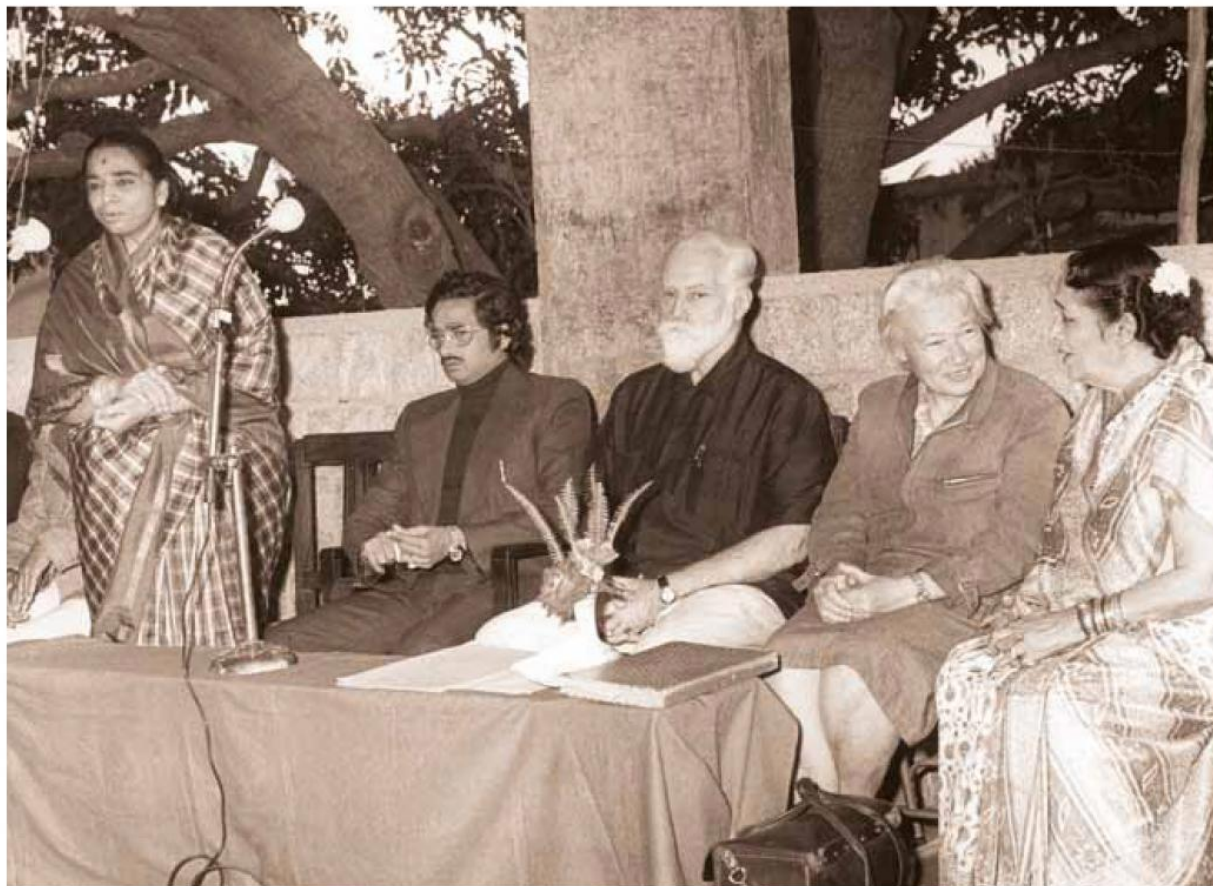


Грани космического мировоззрения

«Мы переживаем
переход на новый
тип мышления»

С Людмилой Васильевной Шапошниковой беседует Наталия Лескова

У Людмилы Васильевны Шапошниковой слава человека, который всегда добивается своего, чего бы это ни стоило. Некоторые ее боятся. Но большинство – уважают. Более 20 лет назад она встала во главе неподъемного, казалось бы, дела: не имея ни копейки за душой, организовала первый в России общественный музей и Международный Центр Рерихов. И это дело, не смотря ни на что, она не бросает. Руководить такой организацией, будучи почти 90 лет от роду, само по себе непросто. Кроме того, Людмила Васильевна занимается научной деятельностью, пишет книги, читая которые трудно себе вообразить, что она почти ничего не видит. На стенах ее рабочего кабинета – фото семьи Рерихов и знаменитое «Знамя Мира», не раз обогнувшее земной шар и побывавшее на борту МКС. А вместо дежурных лозунгов – крупно начертанное изречение Рабиндраната Тагора: «Если ты будешь бросать камнем в каждую лающую на тебя собаку, ты никогда не достигнешь цели». Именно такой я узнала Людмилу Васильевну около десяти лет назад, когда впервые перешагнула порог ее кабинета.



С.Н. Рерих, А.В. Шапошникова и Девика Рани Рерих в жюри конкурса детского рисунка. Бангалор, 1980

— Людмила Васильевна, вы были много лет дружны со Святославом Николаевичем Рерихом, сыном знаменитого художника и мыслителя Николая Рериха. Как состоялось это знакомство?

— Дело в том, что по образованию я востоковед, занималась индийской историей и культурой, преподавала в Мадрасском университете и прожила в Индии в общей сложности лет десять. Когда я бывала там в первые разы, знала, что в городе Бангалоре живет Святослав Николаевич Рерих, русские приезжают к нему в гости и потом рассказывают много интересного. Когда я думала, а не съездить ли и мне к нему, то всякий раз останавливалась: ну о чем я буду с ним говорить? У меня не было проблем, которые я бы могла обсуждать со Святославом Николаевичем. А просто посидеть и поговорить считала невозможным. С какой стати уважаемый человек будет тратить на меня время?

В то время я занималась проблемами индийского рабочего движения. Это были 50-е годы прошлого века, и других тем в исторической науке практически не было. Но, слава Богу, в Индии у меня было много друзей, благодаря которым я поняла, что познать страну, не поняв ее культуры, невозможно. Начала этим серьезно занимать-

ся. Когда стала изучать проблему генезиса индийского народа, то обратилась к работам Николая Константиновича. В них он, в частности, высказывает мнение, что славяне и индийцы имеют много общего в происхождении и культуре. У нас общие духовные корни. Мне эта мысль очень понравилась. Где-то она у меня отложилась. Но до знаменательной встречи было еще далеко.

Так случилось, что в 1967 году я в числе прочих получила премию Джавахарлала Неру, и советская делегация вместе со мной по приглашению правительства Индии отправилась в эту страну. Это было в 1968 году. Когда я вернулась из поездки в «свой» Мадрас, то странным образом вдруг ощутила необходимость ехать к Святославу Николаевичу. Я пришла к генеральному консулу Каверину, с которым была в хороших отношениях, и попросила дать мне машину. Он был резко против: «Куда ты собралась? Завтра пресс-конференция, где ты должна быть!» Но, поговорив со мной, понял, что, даже если он мне машины не даст, я все равно поеду. Или пешком пойду. И дал машину — с условием, что утром я буду в Мадрасе. Со мной вызвался ехать Семен Иванович Тюляев — искусствовед, который тоже получил премию. По его словам, он хорошо знал Святослава Николаевича.

ча и даже был дружен с ним. Я очень обрадовалась этому обстоятельству. Ведь я Рериха никогда не видела и переживала, как явлюсь к нему в дом.

Поехали в Бангалор. Добрались уже часам к пяти вечера – все-таки расстояние в 400 километров! Но тут выяснилось, что он уехал в свое имение Татагуни и будет только завтра. С большими приключениями мы доехали до Татагуни. Была уже глубокая ночь. Я сказала охраннику, чтобы он сообщил хозяину о незваных гостях. Мы стояли на ступенях, ведущих на веранду дома, когда к нам вышел сам Святослав Николаевич. Семен Иванович возник перед ним со словами: «Рад вас видеть!» – но был довольно резко прерван хозяином: «Это что такое? Почему так поздно?!» Я стояла за спиной у Тюляева ни жива ни мертва, думая о том, что втянула его в это дело, а теперь его могут просто спустить с лестницы!

И я шагнула вперед со словами: «Здравствуйте! Я Шапошникова!» Сказав это, я поняла, что ничего глупее произнести было нельзя, и застыла, ожидая развязки. Рерих быстро взглянул на меня и сказал: «Да, я вас ждал, входите!» Вот так состоялось наше знакомство.

– Ничего себе! Откуда же он о вас знал?

– Оставим этот вопрос открытым. Он повел меня в свою студию, где мы проговорили всю ночь, часов до четырех утра. После чего мне надо

было срочно возвращаться в Мадрас. Если бы я не вернулась к утру, то, помимо всего прочего, опоздала бы на самолет. Но все прошло нормально – я успела.

– А когда состоялась следующая встреча?

– Через год я вернулась в Мадрас и сразу позвонила Святославу Николаевичу, который очень обрадовался и позвал меня приехать на уик-энд. Я поехала и с тех пор стала бывать у него регулярно. В Индии меня всегда привлекали некие духовные моменты, довольно развитые в индийской культуре, и я искала свой путь, идя по которому я могла бы получить достаточное количество знаний, ответы на какие-то важные вопросы, возникающие у каждого человека. Я перепробовала, наверное, направлений пять, и мне всегда казалось, что это не мое.

Однажды Святослав Николаевич протянул мне книжку и сказал: «Елена Ивановна написала эту книгу в сотрудничестве с Учителем. Прочтите ее!» А я ничего об этом еще не знала. Книжка называлась «Беспредельность». Я приехала в Мадрас и начала читать. И понимаю: ни-че-го не понимаю! А оторваться не могу. Закончив читать, написала огромный список вопросов: что это такое, что сие означает? С этим списком на следующей неделе поехала к Рериху, чтобы мучить его своими вопросами. Но, пока ехала, вдруг стала понимать,



Н.С. Бондарчук, С.Н. Рерих и А.В. Шапошникова. 1992

что там написано. И мои вопросы показались глупыми и ненужными. Я поняла, что их не надо задавать Святославу Николаевичу. Это была первая в моей жизни книга по философии космической реальности, которая с тех пор прочно вошла в мою жизнь. С этого дня я твердо знала: вот это – мое.

– *Выходит, учение Рерихов явилось для вас неким озарением?*

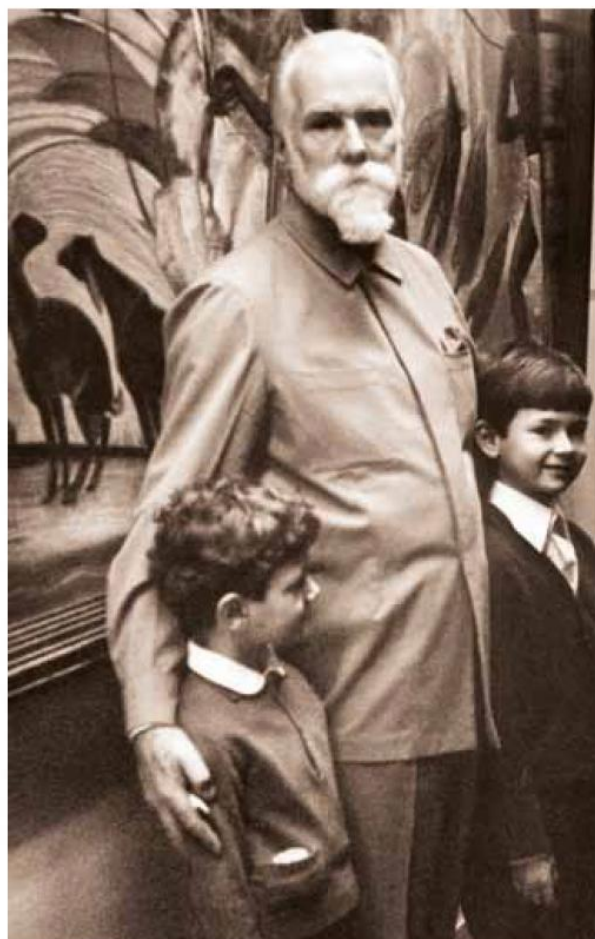
– Именно так. Я этим увлеклась, и с тех пор наследие Рерихов стало делом и моей жизни.

– *Девичья фамилия Елены Ивановны Рерих – Шапошникова. Вы, наверное, родственницы?*

– Нет, никакого кровного родства у нас нет, но я считаю, что в какой-то мере меня поместили этой фамилией.

– *Как случилось, что Святослав Николаевич передал вам картины своего отца?*

– Это целая история. В 1989 году Святослав Николаевич прислал в Россию письмо под заголовком «Медлить нельзя!». Письмо было опубликовано в газете «Советская культура». В нем Рерих ставил перед советским правительством такой вопрос: он готов передать обширное наследие своих родителей нашей стране, но при условии, что бу-



С.Н. Рерих. Эрмитаж. Ленинград, 1975

дет выделено помещение для музея. В качестве директора этого музея он назвал мое имя, чем поверг меня в почти инфарктное состояние.

– *То есть для вас это было полной неожиданностью?*

– Абсолютной! Я в то время работала в МГУ, преподавала в Институте стран Азии и Африки, ездила в Индию, писала о ней книги и ни о каком музее даже не помышляла! Я в ужасе позвонила Святославу Николаевичу и возопила: «Что же вы делаете! Какой я музейный работник! Я ничего в этом не понимаю!» А он очень спокойно возразил: «Вы не спешите, подумайте». Однако я даже думать об этом не желала! Я все время пыталась отказаться, и в конце концов он сказал: «Ладно, я даю вам неделю на размышления».

И я стала размышлять. Ведь принять такое предложение означало полностью изменить свою жизнь. И довольно резко. Преподавание, научная работа давали мне относительно спокойную, размеренную и вполне обеспеченную жизнь, а тут была полная неопределенность. На что жить? Впоследствии эти опасения полностью оправдались: денег у музея не было совсем, и как мы их доставали – отдельная и очень длинная история. Но в тот момент у меня в сознании вдруг всплыли слова Рериха: «Кто, если не вы?» И я согласилась.

– *Я знаю, что у вас не просто музей, а научно-исследовательская организация. Чем она занимается?*

– Мы обладаем столь бесценным наследием, что превращать его просто в музей нельзя. Святослав Николаевич передал нам архив, библиотеку родителей, картины и различные реликвии, личные вещи, сегодня выставленные в музее. Все это имеет большую ценность и нуждается в изучении, поэтому мы своего рода научный центр. Мы занимаемся публикацией документов из архива Рерихов, издаем книги, проводим научно-общественные конференции, как всероссийские, так и международные, издаем журнал «Культура и время»... Словом, мы сумели стать живым культурным центром России, чем я очень горжусь. Николай Константинович Рерих придавал искусству, культуре огромное значение, он писал: «Искусство – сердце народа. Знание – мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество». При этом, подчеркну, сердце и мудрость были для него понятиями синонимичными. Не рассудок, а интуиция станут путем объединения человечества.

– *Святослав Николаевич побывал в вашем музее?*

– Не успел. Он умер, не дожив двух недель до его открытия. Музей начал свое существование в день рождения Елены Ивановны Рерих, 12 февраля 1993 года. Открывая экспозицию, я вдруг ясно вспомнила одну из наших последних встреч,



С.В. Степашин во время визита в Музей. А.Е. Карпов, Б.И. Булочник, А.В. Шапошникова, Ю.М. Воронцов. 2002

когда Святослав Николаевич напутствовал меня: «Ничего не бойтесь. Идите вперед, не оглядываясь. Не огорчайтесь кратковременными неудачами. Помните, что мы работаем для будущего». Эти слова стали для меня своеобразным утешением, придали сил. Тогда музей представлял собой всего пять небольших комнат флигеля усадьбы Лопухиных, неподалеку от Волхонки, в Малом Знаменском переулке. Сейчас наш музей расположен в восстановленном из руин главном доме. Это большие тематические залы, посвященные разным периодам творчества Рерихов. Есть, например, «Русский зал», и многие, приходя сюда, открывают для себя «русского Рериха» с его завораживающими пейзажами средней полосы, православными церквями и монастырями. Для многих такой Рерих абсолютно неизвестен.

– Нет ощущения, что без вас все развалится?

– Не хочу себя переоценивать. Есть четыре столпа, на которых строится наше дело. Первый – это Святослав Николаевич, который передал нам наследие своих замечательных родителей. Второй – это я. Я не позволила разворовать наследие. Третий – это замминистра иностранных дел Юлий Михайлович Воронцов, который помог вывезти наследие из Индии. Именно он организовал спецрейс в обстановке, когда к нему со всех сторон тянулись хищные лапы. И четвертый – это

наши меценаты, без их помощи мы бы никогда не отреставрировали усадьбу и не начали бы научную работу. Есть и другие влиятельные люди, без поддержки которых нам было бы очень трудно. А дело наше крайне важное. Ведь Рерихи оставили огромное художественное, научное, литературное и философское наследие. Когда я начинала музей, попыталась все это как-то упорядочить и поняла: надо начинать с главного – с Живой Этики, которая буквально пронизывает их творчество. И тогда я поставила своей целью осознать, что самое главное в этом учении.

– Что же?

– Космическое мышление. Это новый тип мышления. В истории человечества мы знаем несколько типов мышления: мифологическое, религиозное, научное. Четвертый тип, предугаданный Рерихами и лишь сейчас приходящий в наш мир, – это и есть Живая Этика, космическое мышление. Что, кстати, научного мышления и вообще науки в ее нынешнем понимании ничуть не отменяет. Напротив, нас ждет небывалый расцвет науки, ее качественный скачок, что сейчас, собственно, и происходит.

Суть космического мышления – энергетическое мировоззрение. Оно нисколько не противоречит научным открытиям последнего времени – в частности, темной энергии, которая, как

выясняется, занимает основную часть сущего. Вот почему Рерих считал роль науки главенствующей в духовной эволюции мира. Согласно Живой Этике, все мироздание – это грандиозная энергетическая и информационная система, состоящая из отдельных структур.

Человек – одна из таких структур. Все структуры связаны друг с другом и находятся в тесном контакте. Задача нашей нынешней эволюции – понять суть этих связей, постичь их смысл и значение. Как это сделать? Поднимать уровень сознания. Но это процесс непростой и нескорый.

– Известно, что в 1926 году во время своей Центрально-Азиатской экспедиции Рерихи посетили Москву. Наверное, у них была какая-то конкретная, а не просто экскурсионная цель?

– Безусловно, они прибыли на родину не просто так – они хотели сделать важное предупреждение молодой Стране Советов. Ясно, что подобную мессианскую роль в то время возможно было осуществить лишь через произведения культуры. С этой целью Рерихи принесли в дар семь картин из серии «Майтрейя» о приходе будущего Будды. Сейчас эти картины хранятся в Нижегородской галерее. Уцелели они благодаря усилиям Максима Горького. Второй дар – ларец с гималайской землей. Третий – книга под названием «Община». Это одна из книг Живой Этики. Она-то и содержала конкретное предупреждение. 1926-й год был поворотным моментом в истории нашей страны. Сталин всю рвался к власти, задумывались коллективизация и индустриализация, катился к закату НЭП... Рерихам было ясно, что Россия стоит на перепутье: пойдет она дальше по пути превращения в тоталитарное или демократическое государство, зависит от тех, кто находится у власти. Имя и была адресована книга, где речь шла о том, что община, коммуна должна возникнуть на духовно-культурной основе, в ней не должно быть места насилию. Собственность нужна человеку не для того, чтобы упиваться своим материальным богатством, а для того, чтобы иметь возможность помогать другим людям.

– Разве это не утопия?

– Думаю, нет. Общество, где практически нет воровства и преступности, возможно, но для его создания нужны условия, которых у нас нет. Напротив, мы живем в стране, которая демонстрирует пример безнаказанного нарушения законов, причем на всех уровнях. А причина проста – отсутствие нравственных ориентиров, национальной идеи, которой может и должна стать культура. Наука, кстати, это часть культуры. Идея главенства культуры, науки, духовности стоит в центре философского наследия Рерихов. Увы, Советский Союз начал строиться на экономической осно-

ве, а провозглашаемая у каждого столба свобода была не чем иным, как подавлением воли индивида. Вместо настоящего духовного Учителя мы надолго получили тирана, и плоды этого горького опыта пожинаем по сей день. Не надо думать, что все это в далеком прошлом.

– Тем не менее Рерихи считали, что именно Россия станет центром духовного возрождения человечества...

– Да, и я так считаю вслед за ними. У нас есть для этого традиция, точка опоры. «В безмерных страданиях и лишениях, среди голода, в крови и поте, Россия приняла на себя бремя искания истины за всех и для всех» – так писал Н.К. Рерих о своей родине. Русский космизм с такими его славными представителями, как Бердяев, Розанов, Флоренский, Чижевский, Циолковский, Вернадский и многие другие, идет в унисон с Живой Этикой. Эта система философских знаний пришла в Россию потому, что Серебряный век подготовил почву этого учения. Недаром оно было создано русскими по своей сути людьми и написано на русском языке, пусть и вдали от родины. Космизм, космическое мышление зародилось именно в России и лишь потом стало распространяться по всему миру.

– На ваших конференциях часто звучит мысль, что космическое сознание, хотим мы того или нет, входит в нашу жизнь, внедряется в науку. А мне кажется, что, наоборот, человечество деградирует, теряет духовные ориентиры, ни к чему не стремится. Вот и памятники культуры разрушаются по всему миру.

– Дело в том, что, когда наступает эпоха перемен, на поверхность поднимаются темные силы, и стагнационные процессы активизируются. Они становятся более заметны. Вспомните слова Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали Всеблагие, как собеседника, на пир». Эти процессы идут параллельно. Многие сегодняшние пагубные, негативные процессы лишь свидетельствуют о том, что грядут иные времена. Это не значит, что мы должны сложить руки и молча наблюдать, как гибнет культура. Ни в коем случае! Мы должны понимать, что в этой борьбе победят силы Света.

– Людмила Васильевна, если можно, сформулируйте в двух словах, чем так важно для нас философское наследие Рерихов.

– Целая гирлянда духовных знаний заключена в философии, оставленной нам этой удивительной семьей. Это философия, которая, я бы сказала, помогает человечеству перейти на более высокий уровень сознания. Они – проводники этого процесса, который происходит уже сейчас, на наших глазах, хотя далеко не все это понимают.



Вручение юбилейной медали Ю.М. Воронцову. 2004

Как писал Н.К. Рерих, многие улыбнутся, читая эти строки, но потом они точно так же улыбнутся своему невежеству.

– Известно, что вы не только хранитель и популяризатор наследия Рерихов, но и продолжатель их традиций, самобытно мыслящий исследователь. Вы пишете толстые книги, и я даже не могу сказать, сколько их всего. Боюсь, вы и сами не сможете их подсчитать. Что лично вы привнесли в традицию русского космизма?

– Мне кажется, ничего я не привнесла. Но написала так, что многие сложные вещи стали понятны каждому человеку. Ведь Рерихов читать очень непросто. Говорить просто о сложном – это ведь тоже надо суметь, как вы думаете? А книг я написала 45. Нашлись люди, которые подсчитали. Самой-то мне некогда.

Здесь можно было бы и закончить. Но мне очень хочется добавить вот что. Людмила Васильевна, несмотря на свою внешнюю жесткость и суровость, человек очень добрый и последовательный. Когда она говорит о том, что возможно построить общество, где соблюдаются законы, а богатство дано для того, чтобы помогать другим, – она нисколько не кривит душой. Расскажу один случай.

Однажды меня как журналиста попросили помочь годовалой девочке, родившейся с тяжелой патологией. В нашей стране она была обречена: лечить такие недуги у нас, увы, не умеют. А в Германии, Израиле, Америке – умеют, но это очень дорого. У родителей малышки таких денег отродясь не водилось. Однако речь шла о жизни и смерти. И я была во все колокола, обращалась ко всем, кто мог бы чем-то помочь. Обратилась я и к Людмиле Васильевне, зная, что у нее есть знакомые банкиры. Однако у банкиров тогда плохо шли дела, и она не смогла к ним обратиться.

Прошло два или три дня, и она попросила приехать к ней на работу. «Сядь, – сказала, как всегда, властно. Вытащила из стола толстую пачку денег, завернутых в газету, и подала мне. – Вот. Чем могу».

Оказалось, что это гонорар за книгу, которую она писала три года. 140 тысяч рублей. Людмила Васильевна отдала все до копейки. Совершенно чужому ребенку. Сейчас той девочке три года и жизнь ее вне опасности. В том числе благодаря Людмиле Васильевне, которая дорожит не деньгами, а возможностью совершать с их помощью добрые дела.